

УДК 811.112.2'373+811.112.2'36

А. Г. Голодов

Восточноевропейский университет (г. Черкассы)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале разговорного варианта немецкого языка)

Розглядаються лексичні і граматичні інновації в сучасній німецькій мові, які відображають численні тенденції її розвитку, у тому числі тенденції до описового, більш м'якого виразу. У деякій мірі ці тенденції можна розглядати як вербальну реакцію на зміни, які відбуваються в суспільній свідомості і ментальності у відповідному мовному ареалі.

Рассматриваются лексические и грамматические инновации в современном немецком разговорном языке, отражающие многие тенденции его развития, в частности, тенденцию к описательному, смягчающему выражению. В определённой степени эти тенденции можно рассматривать как вербальную реакцию на происходящие изменения в общественном сознании и ментальности в соответствующем языковом ареале.

The article investigates lexical and grammar innovations in the modern German colloquial language that reflect the tendencies of its development, particularly the tendency of descriptive and weakening expression. These tendencies may be viewed to some extent as verbal reaction to changes that take place in social consciousness and mentality in the corresponding linguistic field.

Немецкий – один из наиболее глубоких и выразительных языков на земле. Это язык протестантизма, марксизма и психоанализа. В XIX веке немецкий был языком естественных наук. Это язык, на котором говорит наибольшее количество граждан в ЕС (meistgesprochene Sprache) и его до сих пор называют эсперанто Восточной Европы (das Esperanto Osteuropas) [2, с. 18].

Каждый язык развивается (обновляется) в течение времени. Процесс обновления литературного языка проходит часто через разговорно-обиходный. Последний, начиная с конца XIX столетия, стал оказывать решающее влияние на языковое развитие, с тех пор как Теодор Фонтане и Герхард Гауптманн добились для него всеобщего признания [1, с. 264], что делает изучение тенденций развития немецкого разговорного языка особенно **актуальным**.

Процесс обновления находит своё выражение в появлении инноваций – лексических и грамматических, которые нередко представляют собой вербальное выражение ментальных изменений, происходящих в соответствующем языковом ареале.

Цель предлагаемой статьи – анализ лексических и грамматических инноваций, которые существенно влияют на современный немецкий язык, что делает знакомство с ними необходимым для всех изучающих немецкий разговорный язык. Рассматриваемым в статье тенденциям, несмотря на их актуальность, было уделено до сих пор недостаточно внимания в исследованиях по германистике.

В качестве **материала** была использована немецкая пресса, в частности, самая читаемая в ФРГ и Западной Европе в целом газета Bild и её воскресный вариант Bild am Sonntag (BamS). Язык этой газеты может считаться репрезентантом со-

временной немецкой общеразговорной речи. Кроме того, в статье нашли применение публикации самого авторитетного в ФРГ общественно-политического журнала «Der Spiegel».

Лексические инновации

Нередко лексические инновации возникают как следствие тенденции к завуалированному описанию «жестких» понятий, т. е. для избежания категоричного и жесткого высказывания. В результате в жертву приносится конкретность выражения понятия. Известно, что язык отражает существенные изменения в общественном развитии. В данном случае немецкий язык реагирует на движение западного общества в направлении либерализации в различных областях общественной жизни.

Язык является зеркалом, отражающим изменения, происходящие в обществе. В случае с отмеченной тенденцией немецкий язык реагирует на продвижение западного общества по направлению к либерализации жизни во многих областях.

Либерализация западноевропейского общества (и немецкого в частности) вызывает эвфемизацию определённых понятий, что логически приводит к их описательному выражению. Это способствует появлению инноваций. Так возникает столкновение между «прямолинейной точностью» (*grobe Präzision*), собственно говоря, правдой и завуалированным, «приятно-описательным выражением» (*nette Umschreibung*), в принципе, ложью.

Во многих случаях правда располагается посередине, хотя в политике (и соответственно политической публицистике) речь чаще может идти о целенаправленном лицемерии.

В Германии уже было время, когда завуалированные описания понятий создавались и распространялись государственной пропагандой, например, во времена нацистской диктатуры наибольшую известность получила «нацистская инновация» *Endlösung* (окончательное решение еврейского вопроса), которая было призвана заменить прямое обозначение массового уничтожения еврейского населения как в самой Германии, так и на оккупированных территориях.

Завуалированными описаниями – инновациями типа *Endlösung* и *Sonderbehandlung* (дословный перевод: *спец. обращение*; на самом деле так обозначалось уничтожение узников концлагерей газом «Циклон Б») была переполнена лексика языка Третьего рейха (*des Dritten Reiches*), что нашло своё отражение в книге узника фашизма Виктора Клемперера «LTI (Lingua Tertii Imperii)».

Но описательное выражение понятий получает развитие также и в демократическом обществе. При этом речь не обязательно идёт о смягчении «жестких» понятий, которые призваны завуалировать преступные действия, а часто о «неприятных» явлениях в политической и общественной жизни. Известный немецкий колумнист Ф. Вагнер пишет о языке политиков следующее: «Язык, на котором они (политики – А. Г.) говорят, звучит как немецкий. Я даже понимаю отдельные слова. Но то, что они говорят, это немецкий салат (*Deutschsalat*). Я ничего не понимаю. Я не понимаю слова *bedürftigkeitsabhängig* (дословный перевод: *зависимый от нужды, бедности*), которым обозначают безработного.... После каждого выпуска новостей, слушая это, я кажусь себе всё более глупым...» [Bild 16.10.2002, S. 2].

Завуалированные описания можно подразделить на две основные группы:

1. Дезориентирующие описания

К ним относятся политические и военно-политические выражения, которые служат для дезинформации и маскировки конкретных политических и военных действий и целей.

(на материале разговорного варианта немецкого языка)

В 1991 году в ФРГ впервые была проведена акция «негативное слово года» (*Unwort des Jahres*). Цель акции – показать случаи употребления языка для дезориентации населения. В изданном лексиконе негативных слов (*Lexikon der Unwörter*) среди прочих были выделены следующие признаки негативного слова:

1. Намерение ввести в заблуждение, используя при этом понятия, которые в отраслях, из которых они пришли, были полностью нейтральными. Однако за счёт применения в абсолютно неподходящем контексте полностью искажают подлинный смысл [5, с. 9].

2. Намерение приукрасить неприятные вещи или, по крайней мере, несколько их смягчить [5, с. 9].

Характерно, что негативным словом 1999 года в Германии было признано часто цитируемое типичное дезориентирующее описание – политическая инновация *Kollateralschaden* (также *kollateraler Schaden*) – полукалька американского *collateral damage* (= «побочный ущерб» или «сопутствующий урон»), изобретённое стратегами НАТО во время бомбардировок Югославии. Это сложное существительное было призвано скрыть сущность незаконной военной акции. Что обозначает это слово на самом деле, показывает иллюстрированный журнал «*der Spiegel*»: «НАТО пускает ракеты и бросает бомбы, а сербская армия и не делает попытки сопротивления. Они попадают в нефтяные склады, передающие станции, оружейные фабрики, редко в танки, чаще в невинных людей. «Сопутствующий урон» (*Kollateralschaden*) называется это на новоязе военных (*in der Newspeak der Militärs*). Возможно уже есть сотни погибших» [*Der Spiegel* 17.1999, S. 33].

Инновация – композит *Kollateralschaden* призван придать обозначаемому понятию оттенок второстепенности и незначительности. Учитывая ментальность немецкого «потребителя информации», можно с большой степенью уверенности предположить, что их шокирует употребление для обозначения гражданских лиц, погибших во время натовских бомбардировок, «слишком конкретных» наименований. Выступающее в качестве определительного компонента сложного образования заимствованное из английского и, вследствие этого, малоизвестное в Германии прилагательное *collateral* придаёт всему словосочетанию оттенок безобидности и нейтральности, т. е. делает его «приемлемым» для либеральной аудитории. Наполовину калькированный англо-американизм существенно «затуманивает» обозначаемое понятие, поскольку он импонирует и отвлекает от сути своей малопонятной среднестатистическому слушателю формой от жестокого содержания.

2. Завуалированное описание жёстких повседневных понятий

Здесь речь идёт об инновациях, возникших как описательные выражения повседневных, социально жёстких понятий, которые не служат целенаправленной политико-идеологической пропаганде:

– **Freitod, der** – это сложное существительное заменяет композит *der Selbstmord*. Определительный компонент, выраженный прилагательным *frei* (*ohne Zwang*) заменяет здесь местоимение *selbst* (= *ohne fremde Einwirkung*), а основной компонент *der Tod* – более жёсткое и агрессивное существительное *der Mord*. Обе части завуалированного описания *Freitod* придают выражаемому понятию оттенок некоторой безобидности по сравнению с самоубийством, обозначаемым композитом *Selbstmord*, поскольку *Mord* обозначает действие, явно предусматривающее применение насилия (в отличие от *Tod*). Собственно говоря, существительное *Mord* обозначает одновременно процесс (*die Tötung*) + результат (*den Tod*). А основной ком-

понент композита *Freitod* редуцирует его значение до результата и при этом как бы освобождает композит от оттенка «насильственности».

– **die Verschlangung eines Unternehmens:** «*Es wird die Verschlangung des Unternehmens...*» (Die ARD-Nachrichten 21.10.2002) можно услышать в новостях первой программы немецкого телевидения (ARD-Nachrichten), когда речь идёт о сокращении рабочих мест и как следствии – увольнении сотрудников (часто массовом). В данном случае используется популярность прилагательного *schlank* в современном немецком обществе, где каждый мечтает быть (или стать) стройным и молодым. Речь идёт об описательном выражении понятия, которое воспринимается исключительно негативно – *Reduzierung der Arbeitsplätze*, которое и заменяет смягчение *Verschlangung*, образованное от имеющего сильную позитивную коннотацию прилагательного *schlank*.

За счёт включения в логический ряд – *eine schlanke Frau, ein schlanker Mann, ...ein schlankes Unternehmen* – смягчение *Verschlangung* призвано приукрасить (или по крайней мере нейтрализовать) крайне неприятное социальное явление.

Кроме того, смягчающее словосочетание обозначает, в отличие от прямого обозначения *Reduzierung von Arbeitsplätzen*, не конкретные рабочие места, а совершенно абстрактное (безличное) предприятие (*unpersönliches Unternehmen*). В результате всё выражение становится ещё более расплывчатым и, как следствие, семантически более мягким.

– **die horizontale Branche:** «*Was seine Freundin an der horizontalen Branche gut findet, versteht er nicht*» (Das RTL-Programm, 28.10.2002). Это словосочетание служит для завуалированного обозначения профессиональной проституции. Заимствованное существительное *Branche* само по себе выражает солидное и вполне приличное понятие, чего никак нельзя сказать о значении, которое *Branche* приобретает в составе словосочетания с определением *horizontal*.

За счёт употребления в функции завуалированного обозначения употребительного в политике, экономике и науке существительного *Branche* пользующаяся дурной славой профессия получает социально-вербальное благозвучие.

Грамматические инновации

1. Возникновение грамматических инноваций как следствие тенденции к смягчённому выражению понятий

Тенденция к описательному, смягчающему выражению затронула и современную немецкую грамматику. Как уже отмечалось выше, это можно рассматривать как реакцию немецкого языка на движение западного общества в направлении либерализации общественной жизни, которая находит и своё вербальное отражение, что порождает возникновение грамматических инноваций.

1.1. Смягчение при употреблении модальных глаголов. Немецкий язык богат модальными глаголами. Но особенно интересны в данном случае две пары: **sollen** – **müssen** (быть должным) и **können** – **dürfen** (мочь). Как известно, в составе этих пар каждый из глаголов имеет своё функциональное поле.

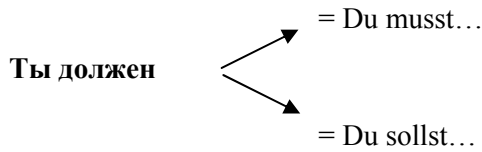
а) **sollen** выражает закон (Gesetz), заповедь (Gebot), Pflicht (обязанность), Befehl (приказ), Anweisung (указание), Auftrag (поручение), например: *Du sollst nicht lügen (Gebot)*.

б) **müssen** выражает необходимость (Notwendigkeit), принуждение извне (äusseren Zwang), например: *Deine Mutter ist krank, deswegen musst du sie heute besuchen*.

Следовательно, глагол **sollen** выражает более субъективное и жёсткое (агрессивное?) принуждение: *Deine Mutter ist krank, deswegen musst du sie heute besuchen*.

(на материале разговорного варианта немецкого языка)

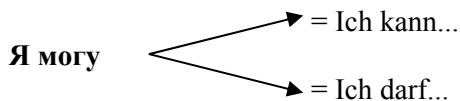
Граница между их функциональными полями в последние годы значительно поблекла.

То же самое относится и к паре *können* – *dürfen*. Однако здесь каждый из глаголов имеет своё собственное функциональное поле:

а) *können* выражает, как правило, возможность (Möglichkeit), шанс (Gelegenheit) или способность (Fähigkeit): *Ich kann schon aufstehen, weil mein Fuß nicht mehr weh tut.*

б) *dürfen* служит для выражения права (Recht), eine Erlaubnis (разрешения) или запрета (Verbot): *Ich darf schon aufstehen, weil der Arzt es mir erlaubt hat.*

В повседневном общении немцы далеко не всегда различают **können** – **dürfen**. Очень часто **können** вытесняет **dürfen** с его привычного функционального поля: *Im Büro: Kann ich hier telefonieren? (Sie können. Die Frage ist, ob Sie es dürfen); Herr Kommissar, kann ich Ihre Papiere sehen?*

В обоих примерах речь идёт о разрешении, которое хотел бы получить спрашивающий. Однако вместо «официально-разрешительного» **dürfen** он употребляет «мягкий» **können**.

Такой сдвиг в пользу «мягких» («не принуждающих») глаголов **müssen** и **können** можно отнести к грамматическим инновациям, так как он является следствием грамматической тенденции к либерализации высказывания, которая особенно набрала силу в последние годы.

1.2. Смягчение за счёт замены императивных предложений на императивно-вопросительные. Стандартный императив стал для среднестатистического немца (Otto-Normal-«Sprachverbraucher») сегодня излишне категоричным и жёстким. Это вызвало к жизни такую грамматическую инновацию как **вопросительный императив**. «*Reich mir Salz, bitte!*» (подай соль!) звучит очень категорично. Это распоряжение, почти приказ и поэтому не пользуется популярностью в современном обществе. В отличие от «чистого» императива вопросительный императив выглядит как вопрос и только интонация и ситуация позволяют понять, что это настоятельная просьба: «*Reichst du mir Salz, bitte!?*» (ты мне подашь соль, пожалуйста!). Ещё мягче звучит предложение с «либеральным» модальным глаголом *können*: «*Kannst du mir Salz reichen, bitte!*» (ты можешь подать мне соль, пожалуйста!?). В этом варианте отмечаем уже два смягчающих фактора:

- 1) форма императивно-вопросительного предложения;
- 2) модальный глагол **können** предусматривает альтернативу – можно выполнить просьбу или нет.

2. Грамматические инновации как результат гипертрофированной тенденции к феминизации

В ряде стран существует двуязычие, в Германии в последние годы получило развитие двуполое обращение. Это можно считать признаком нового времени, возможно, эпохи **феминизации общества**.

С конца 70-х годов исследования подтвердили, что женщины говорят вежливее и не так прямолинейно (indirekter) [Fokus 44/1996, S. 196], что позволяет рассматривать феминизацию как определённой степени либерализацию общества, получающую и своё вербальное выражение.

Немецкая феминистка Алиса Шварц (Alice Schwarz) была первой немецкой поборницей (Vorkämpferinnen) феминистского употребления языка. Она потребовала, чтобы всегда дополнительно называлась форма женского рода, хотя абсолютное большинство немцев находит это обременительным и чрезмерным. Но все «политички» и политики (Politikerinnen und Politiker), «чиновницы» и чиновники у Алисы Шварц на коротком поводке (bei Alice Schwarz am Gängelband). Большинство журналисток и журналистов пляшут под её дудку (tanzen auch nach ihrer Pfeife). Вероятно, однажды можно будет прочесть на вывеске ведомства для регистрации по месту жительства: «*Einwohnerinnen und Einwohnermeldeamt*» (для *жителейниц* и *жителей*).

«*Kolleginnen und Kollegen, Rentnerinnen und Rentner, Studentinnen und Schülerinnen* – немцы как никакой другой народ подразделяется в каждой ситуации на гражданок и граждан (*ein Volk der Bürgerinnen und Bürger*).

Современные немецкие женщины требуют равенства шансов во всех областях. Вследствие этого «двуполное обращение» получает всё большее распространение. При этом все вынуждены в этом участвовать, чтобы не получить ярлык «враждебный по отношению к женщинам» (frauenfeindlich).

Политики боятся, что их посчитают противниками эмансипации (antiemanzipatorisch) и реакционерами. Поэтому они обращаются к «избирательницам» (*Wählerinnen*) и «избирателям» (*Wähler*).

Если бы Маркс и Энгельс всё это могли предвидеть, то они адресовали бы свой знаменитый манифест «*Vereinigt euch!*» «пролетаркам и пролетариям всех стран» (*Proletarierinnen und Proletarier aller Länder*).

Как результат чрезмерного стремления к эмансипации возникает довольно глупое многословие, т. е. выражение, содержащее однозначные и тем самым излишние слова – **плеоназмы** (Pleonasmen): «*die erste weibliche Präsidentin*», «*die erste weibliche Pilotin*» (фемининность выражена здесь дважды: а) определением – *weibliche*; б) суффиксом **-in**).

Однако феминизация немецкого языка породила одновременно и «позитивную дискриминацию». Она получила своё выражение в том, что нет инноваций – обращений женского рода для многих негативных явлений жизни. Ещё нигде не встретилось обращение женского рода, которое функционировало бы параллельно с такими негативно окрашенными обращениями мужского как: *Steuerhinterzieher* (укрыватель налогов), *Sozialschmarotzer* (социальный бездельник – халявщик), *Extremist* (экстремист), *Schwarzfahrer* (безбилетный пассажир – заяц) [3, s. 168].

3. Исчезающий падеж (= «*Kasus Verschwindibus*»)

В современном немецком разговорном языке сильно развита тенденция к опущению окончаний в датив и аккузатив у существительных мужского рода, изменяющихся по слабому типу склонения. С точки зрения разговорного языка эта тенденция как бы уже и узаконена. Но в литературном варианте языка (standard-sprachlich) она прежде считалась ошибкой:

а) *Dem Patient(en) geht es gut;*

б) *Die Kinder im Zoo haben den Elefant(en) gesehen;*

в) *Der deutsche Kanzler trifft sich mit dem US-Präsidenten(en).*

г) *In einer Bank liest man «Keine Kontoauszüge am Automat(en)».*

(на материале разговорного варианта немецкого языка)

Сегодня можно утверждать, что «**Kasus Verschwindibus**» становится грамматической инновацией и в литературном варианте немецкого языка.

4. Исчезающая инверсия (нарушение стандартного порядка слов придаточного предложения)

Одно из самых заметных явлений в разговорном варианте современного немецкого языка – отказ (*Abschaffung*) от придаточного предложения с союзами (*Bindewörtern*) **weil** и **obwohl**, которое требует употребления изменяемой формы глагола на последнем месте в предложении:

– «*Habt ihr schon bestellt?*», *fragte Henry*.

– «*Nein, haben wir noch nicht*», *sagt Philipp*, «*weil wir **haben** auf dich gewartet!*» [4, s. 157].

Грамматически корректный вариант этого предложения: «...*weil wir auf dich gewartet **haben!***».

От инверсии отказываются всё чаще. Некоторые рассматривают эту тенденцию как новое направление развития, другие же – как обычную грамматическую ошибку.

Можно предположить, что однажды учебники по грамматике объявят отсутствие инверсии после **weil** и **obwohl** допустимой нормой.

Главной причиной появления этой инновации является удобство. Очевидно, что гораздо проще построить главное предложение (*einen Hauptsatz*), чем придаточное (*einen Nebensatz*). «Как начинаешь при говорении предложение, то часто точно не знаешь, как его будешь заканчивать. Не успеешь и оглянуться (*Ehe man sich's versieht*), как произнёс слово **weil** и уже находишься в середине придаточного каузального предложения. Спасительный выход из положения – глубоко вздохнуть и начать новое главное предложение, как будто бы употребил не **weil**, а **denn**» [4, s. 158].

5. «Невидимое» англо-американское влияние как причина возникновения грамматических инноваций

Известно, что английская грамматика не так сложна, как немецкая. Возможно, это одна из причин возникновения тенденции заимствования некоторых английских структур в немецкий. При этом слова остаются немецкие, но сама структура чужеродна:

1. В различных токшоу с участием известных политиков нередко можно услышать: «*Können Sie das noch erinnern?*» Это трансформированная калька английской структуры – «*I can remember that*». Правильный немецкий вариант в этом случае – «*Können Sie sich daran erinnern?*»;

2) «*Sind Sie bequem?*» слышим в другой беседе. Это калька английской структуры – «*Are you comfortable*». Правильная немецкая версия этого предложения – «*Fühlen Sie sich bequem?*»;

3) «*Was macht das für einen Unterschied?*» (= *What difference does it make?*). Соответствующее немецкое предложение выглядит несколько иначе – «*Worin liegt (oder besteht) der Unterschied?*»;

4) Немецкое словосочетание «*im Jahre + Zahlwort (im Jahre 1945)*» часто вытесняется заимствованной из английского более простой структурой «*In + Zahlwort (in 1945)*».

Как показывает исследование, лексические и грамматические инновации в разговорно-обиходном варианте современного немецкого языка отражают многие тенденции его развития. В определённой степени их можно рассматривать как вер-

бальную реакцию на происходящие изменения в общественном сознании и ментальности в соответствующем языковом ареале.

Библиографические ссылки

1. Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 1174 S.
2. Schneider W. Speak German. Reinbek bei Hamburg, 2008. – 191 S.
3. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 1. – Hamburg : Kiepenheuer @ Witsch, 2006. – 230 S.
4. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 2. – Hamburg : Kiepenheuer @ Witsch, 2006. – 268 S.
5. Schlosser H. D. Lexikon der Unwörter. – Bertelsmann Lexikon Verlag. – 2000. – 125 S.

Периодические издания

1. Bildzeitung (Deutschland) [BZ].
2. Bild am Sonntag (Deutschland) [BamS].
3. Der Spiegel.

Надійшла до редколегії 14.12.08